

Сразу отмечу, что касается творчества самого Булгакова в целом – его романов, повестей, рассказов, – то он остаётся для меня непревзойдённым Мастером русского художественного слова, и это не подвергается сомнению. Многие произведения Михаила Афанасьевича потрясают меня своей глубиной. Я не буду приводить имена некоторых супер-классиков, во избежание ещё одного повода забросать меня камнями, но они значительно уступают Булгакову.

Другое дело, как он пользовался умением создавать художественные произведения, живописать словами... Не злоупотреблял ли доверием читателя? А если злоупотреблял, то с какой целью и что являлось причиной?

И второе, мои претензии в большей степени относятся к критикам-булгаковедам, чем к самому произведению. (С их лёгкой руки, благодаря именно роману «Мастер и Маргарита», появилась новая наука – «булгаковедение».)

Умело закрученной, этого нельзя отрицать, авантюрно-приключенческой истории приписывают не соответствующие произведению свойства и цели; мистика, феноменальность, исключительность, гениальность, загадочность и прочее. А также борьбу с мещанством в сталинской Москве, с низменными чувствами, с бытовыми проявлениями, порождающими зло и со всяким негативом, известным человечеству, причём принимают участие в этой «борьбе» исключительно все действующие лица. Булгаковеды берут на себя смелость утверждать, будто это произведение является не только вершиной булгаковского творчества, но и величайшим романом XX века.

Это не есть правда, о чём разговор ниже.

Я буду приводить примеры несогласованных поступков героев, действий, оборванных историй, стилистических и орфографических ошибок, коими изобилует роман, преследуя одну цель, убедить читателя в том, что роман далёк от совершенства, и самое главное, Михаил Афанасьевич Булгаков, будь жив, никогда бы не отдал этот сырой материал в издательство.

Это, так сказать, преамбула, а теперь по существу.

...В 1928 году в художественно-литературном журнале «Тридцать дней» появляется роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», в том же году издаётся отдельной книгой. Булгаков не мог не отметить небывалый всплеск читательской аудитории, вызванный этим необычным, не совсем советским романом, и задумал «переплюнуть» его.

ТО ЕСТЬ ОН ЗАДУМАЛ АВАНТЮРНО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В СТИЛЕ РОМАНОВ ИЛЬФА И ПЕТРОВА БЕЗ КАКИХ-ЛИБО СОЦИАЛЬНЫХ, СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ И ПРОЧИХ ПОТЯСЕНИЙ.

При этом он поднимает планку на небывалую высоту, решается на произведение, по замыслу более авантюрное, более дерзкое, более динамичное, чтобы в повествовании каждое движение героев выходило за рамки понимания обывателя о пределах допустимой фантазии. К примеру, если накапать валерьянки, то не две-три капли, а триста!

«Коровьев отлепился наконец от стенки и вымолвил: – Нет, не могу больше! Пойду приму триста капель эфирной валерьянки!»

Пока триста капель насчитаешь, десять раз собьёшься. Что делать тогда? По новой начинать капать? Эдак целый день провозишься. Если летать Маргарите на щётке, то не только вдоль улиц, но и в космосе побывать.

«Повернув голову вверх и налево, летящая любовалась тем, что луна несётся под нею...»

(Странно, что желание «неискушённых обывателей» приписывать первенство среди женщин-космонавтов Валентине Терешковой не вызвало бурю гнева у булгаковедов.)

И назначать заседание литераторов не в два-три часа дня, как принято, а в 10 вечера. Хорошо хоть не в час ночи.

«Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание, и я буду на нём председательствовать...»

Уже заголовок повести «Великий канцлер. Князь тьмы» сам по себе говорит, что готовится нечто грандиозное, я бы сказал, сюрреалистическое. (А Булгаков планировал написать повесть.) В процессе работы над повестью появляются более десятка названий: «Чёрный маг», «Копыто инженера», «Жонглёр с копытом», «Сын В(елиара?)», «Гастроль (Воланда?)», «Великий канцлер», «Сатана», «Вот и я», «Шляпа с пером», «Чёрный богослов», «Он появился», «Подкова иностранца», «Пришествие», «Чёрный маг» и «Копыто консультанта».

Во второй версии «Мастера и Маргариты» имелся ещё и подзаголовок – «Фантастический роман». Если учесть, что заголовок предопределяет содержание, то такой разброс названий говорит лишь о том, что Булгаков НЕ ЗНАЛ, что он хочет написать, не было общей концепции, генерального плана. Мы видим лишь то, что он планировал написать этакий микс фантастики с советской действительностью, а какую форму примет произведение, с какими героями и с какой задачей, что самое главное, и понятия не имел.

У писателей так принято – сначала намечается рабочий заголовок, а, завершив работу над произведением, автор определяет окончательный вариант названия. Обычно используется в процессе работы два заголовка, ну, от силы три, но никак не пятнадцать.

Разброс идей, намерений настолько велик, что Булгаков уже не следит за действиями своих героев.

III

В первых набросках, главным героем являлся Поэт (прозрачный намёк на Гоголя, ведь тот «Мёртвые души» назвал поэмой). Затем появилась история с Понтием Пилатом, далее на авансцену вышел дьявол, а ещё через несколько лет Михаил Афанасьевич ввёл в роман Мастера и Маргариту, и рукопись преобразовалась из повести в роман. Основными персонажами стали лица, появившиеся в романе в последнюю очередь...

Да, можно и нужно в процессе работы насыщать произведение новыми персонажами, но основная канва должна сохраняться. Прежде чем сесть за стол, нужно подумать, о чём ты хочешь писать. Если только в 1937 году на страницах романа мы встречаемся с Маргаритой, то нужно понимать, что девять лет до того он писал совершенно иное произведение. Появление в романе влюблённой пары в корне изменило заданную в начале романа тему. С их появлением началась совершенно ДРУГАЯ тема, в которой некоторые герои перекочевали из первой части книги во вторую, всего лишь.

В книгах Ильфа и Петрова герои романа «Двенадцать стульев» также перекочевали в другое произведение – «Золотой телёнок», но авторы не стали привязывать вторую книгу к первой, это не второй том, это отдельная книга...

...Нет точного сведения, как называлась рукопись, которую сжёг Михаил Афанасьевич. Хотя почему? В своём сумбурном письме «Правительству СССР», он сообщает, что «лично я, своими руками бросил в печку черновик романа о дьяволе...» То есть он назвал своё произведение «Роман о дьяволе». Как мы видим, главным героем на то время являлся «дьявол». И мы даже именовать её версией не имеем права, поскольку отсутствовали основные лица. Скорее всего, это было самостоятельное, законченное произведение. Потом нарисуются новые лица, то одно, то другое, то третье, и новая концепция, новое изложение.

IX

Ещё один пример. Пилат общается с президентом Синедриона, первосвященником иудейским Иосифом Каифа на повышенных тонах.

«– Что слышу я, прокуратор? – гордо и спокойно ответил Каифа, – ты угрожаешь мне после вынесенного приговора, утверждённого тобою самим? Может ли это быть? Мы привыкли к тому, что римский прокуратор выбирает слова, прежде чем что-нибудь сказать. Не услышал бы нас кто-нибудь, игемон?»

Пилат мёртвыми глазами посмотрел на первосвященника и, оскалившись, изобразил улыбку.

– Что ты, первосвященник! Кто же может услышать нас сейчас здесь? Разве я похож на юного бродячего юродивого, которого сегодня казнят? Мальчик ли я, Каифа? Знаю, что говорю и где говорю. Оцеплен сад, оцеплен дворец, так что и мышь не проникнет ни в какую щель!»

Мы убедились в том, что в резиденции Пилата в зале, где он общается с Афранией, нет причины вести иносказательные речи, опасаясь посторонних ушей. Значит, в диалоге звучала открытая, прямая тревога за судьбу Иуды, и Пилат действительно просил уберечь жизнь этого низкого человека. А НАСТОЙЧИВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЭТОЙ ТЕМЕ, ОБЩАЯСЯ С НАЧАЛЬНИКОМ ТАЙНОЙ СЛУЖБЫ, ГОВОРИТ О ТОМ, ЧТО ПИЛАТ ДОГАДЫВАЛСЯ ОБ ИСТИННЫХ НАМЕРЕНИЯХ АФРАНИЯ И ПЫТАЛСЯ ПРЕДОТВРАТИТЬ УБИЙСТВО. И всё же, почему начальник тайной службы поступил иначе? Да потому, что он запланировал убийство Иуды ещё до встречи с Пилатом, а с какой целью, об этом ниже.

XIII

Выйдя от Пилата, Афраний в первую очередь, выполняя указания прокуратора, организовал тайные похороны трёх казнённых. На то, чтобы послать повозки с инвентарём, необходимым для захоронения, ушло «не более десяти минут». А затем: «Вскорости после того, как уехали повозки с сопровождающей их командой, отбыл с территории дворца верхом и гость (Афраний. – Прим. В. К.) прокуратора, переодетый в тёмный поношенный хитон. Гость направился не за город, а в город. Через некоторое время его можно было видеть подъезжающим к крепости Антония, расположенной на севере и в непосредственной близости от великого храма. В крепости гость пробыл тоже очень недолго, а затем след его обнаружился в Нижнем Городе, в кривых его и путаных улицах. Сюда гость приехал уже верхом на муле».

Михаил Афанасьевич даёт нам понять, что встреча в крепости Антония продолжалась 10 минут, от силы 15, «тоже очень недолго», на которой обсуждалось убийство Иуды. А теперь вопрос к читателю. Если о необходимости убить Иуду Афраний получил указание от Пилата только час-полтора тому назад, мог ли он обсудить с исполнителями заговора вот так, с нуля, за 15 минут, весь процесс покушения? Нет, конечно. Это однозначно. И спорить не надо. Время ведь не поджимало, к чему топиться? Другое дело, когда машина запущена и осталось только внести некоторые детали. Можно уложиться в 15 минут. Но дальше – больше. Афраний отправляется в Нижний город договориться с очередной участницей покушения.

«У этой женщины Афраний пробыл совсем уже недолго – никак не более минут пяти. После этого он покинул дом и террасу, понизже опустил капюшон на глаза и вышел на улицу».

А теперь поподробнее, только не падайте. Её зовут Низа, она замужняя женщина, является любовницей Иуды. В этот вечер муж уехал «по торговым делам» и она ждала Иуду, чтобы провести с ним в постели приятное время. А тут, как некстати, появляется Афраний, очевидно, такой же знакомый, как и Иуда, но занимающий более высокое положение. Он даёт указание Низе вывести Иуду за город, где его будут поджидать убийцы. И на всё про всё это ушло «не более минут пяти». То есть за пять минут он убедил любвеобильную даму оставить мысли о тёплой постели и отправиться за город, заманивая туда красавчика Иуду, где его ожидает верная погибель. Невероятно! Жену пока за пивом пошлешь, запаришься, а тут за город тащиться надо, и с такой неблагоприятной целью... По сути, он предлагает Низе стать соучастницей убийства своего возлюбленного. За пять минут это сделать нереально! С другой стороны, зачем ей это нужно?

Поставим на чашу весов две личности. Афраний – представитель страны, захватившей её родину, поработившей народ израильский, а Иуда свой, пользующийся покровительством высшего духовенства, своим поступком предотвративший раскол иудейской веры, а потому всеобщий любимчик, красавец, к тому же ещё и её любовник. Можем ли мы гарантировать, что она, встретив Иуду, не шепнёт ему на ухо: «Беги, тебя убить хотят!» – и выложит весь разговор с Афранием Президенту Синедриона, первосвященнику иудейскому, Иосифу Каифа. И тогда у Афрания будут, ох, какие большие проблемы.

Определённо, с ней уже была договорённость, а пяти минут хватило бы для уточнения некоторых деталей. Но здесь ещё одна несостыковка. Зачем нужно Низе одеваться, выходить в город, чтобы «случайно» встретить Иуду, если он сам часом позже должен к ней прийти?

«На том самом углу, где улица вливалась в базарную площадь, в кипении и толчее его обогнала как бы танцующей походкой идущая лёгкая женщина в чёрном покрывале, накинутом на самые глаза. Обгоняя молодого красавца, эта женщина на мгновение откинула покрывало повыше, метнула в сторону молодого человека взгляд, но не только не замедлила шага, а ускорила его, как будто бы пытаясь скрыться от того, кого она обогнала.

Молодой человек не только заметил эту женщину, нет, он узнал её, а, узнав, вздрогнул, остановился, в недоумении глядя ей в спину, и тотчас же пустился её догонять. Едва не сбив с ног какого-то прохожего с кувшином в руках, молодой человек догнал женщину и, тяжело дыша от волнения, окликнул её:

– Низа!

Женщина повернулась, прищурилась, причём на лице её выразилась холодная досада, и сухо ответила по-гречески:

– Ах, это ты, Иуда? А я тебя не узнала сразу. Впрочем, это хорошо. У нас есть примета, что тот, кого не узнают, станет богатым...

Волнуясь до того, что сердце стало прыгать, как птица под чёрным покрывалом, Иуда спросил прерывающимся шёпотом, опасаясь, чтобы не услышали прохожие:

– Куда же ты идёшь, Низа?

– А зачем тебе это знать? – ответила Низа, замедля шаг и надменно глядя на Иуду.

Тогда в голосе Иуды послышались какие-то детские интонации, он зашептал растерянно:

– Но как же?.. Ведь мы же условились. Я хотел зайти к тебе. Ты сказала, что весь вечер будешь дома...»

Вот она ему у порога и нашептала бы, мол, иди за город в такое-то место и жди меня, я скоро буду.

Какой можно сделать вывод? Все участники покушения, ещё до встречи Афрания с Пилатом, знали о своём участии в заговоре, дали согласие, а начальнику тайной службы пришлось мотаться по городу, чтобы согласовать некоторые детали. Вот на это и достаточно было 10–15 минут в первом случае и пяти минут – во втором.

ОЧЕВИДНО, ВЕРНЫЕ ПРОКУРАТОРУ ЛЮДИ ДОНЕСЛИ ЕМУ О КОВАРНОМ ЗАМЫСЛЕ НАЧАЛЬНИКА ТАЙНОЙ СЛУЖБЫ, И ПРОКУРАТОР, НЕ РАСКРЫВАЯСЬ, ПЫТАЛСЯ ОДЁРНУТЬ ПОДЧИНЁННОГО, ВЫНУДИТЬ ПРЕКРАТИТЬ ОПАСНЫЕ ШАШНИ У НЕГО ЗА СПИНОЙ.

Теперь вопрос. А зачем начальнику тайной службы это нужно? Можно ответить, но для начала посмотрим, кто таков начальник тайной службы, вернее, каким рисует его нам автор:

«Надо полагать, что гость прокуратора (начальник тайной службы Афраний. – Прим. В. К.) был склонен к юмору. Но по временам, совершенно изгоняя поплёскивающий этот юмор из щёлочек, теперешний гость широко открывал веки и взглядывал на своего собеседника внезапно и в упор,

как будто с целью быстро разглядеть какое-то незаметное пятнышко на носу у собеседника. Это продолжалось одно мгновение, после чего веки опять опускались, суживались щёлочки, и в них начинало светиться добродушие и лукавый ум».

О таких людях мы говорим: «он себе на уме», «человек с двойным дном», как правило, у подобных личностей за пазухой «имеется камень», и сложно предугадать его действия – он стремится добросовестно выполнять свои обязанности или докапывается под своего руководителя с целью скинуть его и занять престижное кресло.

Беседуя, прокуратор опять возвращается к мысли, которая его беспокоит.

«Да, но вернёмся к делам. Прежде всего, этот проклятый Вар-равван вас не тревожит?»

Показательна реакция подчинённого:

«Тут гость и послал свой особенный взгляд в щёку прокуратора».

Однако Понтий Пилат солдат, а вернее – солдафон, он в этих тонкостях не разбирается и не замечает того, что наш современный клерк отметил бы сразу.

Пилат не унимается, он вновь возвращается к необходимости обеспечивать спокойствие в Иудее.

«– Дело заключается в следующем: хотя мы и не можем обнаружить – в данное время, по крайней мере, – каких-либо его поклонников или последователей, тем не менее ручаться, что их совсем нет, нельзя».

Гость внимательно слушал, наклонив голову.

– И вот, во избежание каких-нибудь сюрпризов, – продолжал прокуратор, – я прошу вас немедленно и без всякого шума убрать с лица земли тела всех трёх казнённых и похоронить их в тайне и в тишине, так, чтобы о них больше не было ни слуху ни духу».

Продолжая беседу, он снова возвращается к проблеме мира и спокойствия в регионе:

«– ...Итак, третий вопрос. Касается этого, как его... Иуды из Кириафа».

Тут гость и послал прокуратору свой взгляд и тотчас, как полагается, угасил его».

И опять прокуратор не заметил этого. Он продолжает убеждать Афрания предпринять серьёзные меры для сохранения стабильного мира в Иерусалиме.

«– я обязан предвидеть всё. Такова моя должность, а пуще всего я обязан верить своему предчувствию, ибо никогда оно ещё меня не обманывало. Сведения же заключаются в том, что кто-то из тайных друзей Га-Ноцри, возмущённый чудовищным предательством этого менялы, сговаривается со своими сообщниками убить его сегодня ночью...»

– Вообразите, приятно ли будет первосвященнику в праздничную ночь получить подобный подарок?

– Не только не приятно, – улыбнувшись, ответил гость, – но я полагаю, прокуратор, что это вызовет очень большой скандал. (Согласитесь, в данном случае улыбка совершенно неуместна, если за нею не кроется нечто другое. – Прим. В. К.)

– И я сам того же мнения. Вот поэтому я прошу вас заняться этим делом, то есть принять все меры к охране Иуды из Кириафа».

Как мы уже знаем, Афраний поступает прямо наоборот. Он организывает убийство Иуды именно с целью вызвать народный гнев, что не осталось бы незамеченным в Риме.

По моему твёрдому убеждению, Михаил Афанасьевич планировал развивать эту тему, придав ей детективную форму. Нас ожидала увлекательная история, связанная с отстранением от должности Понтия Пилата и водворением на его место начальника тайной службы Афрания...

XV

Сам роман начинается с оживлённой беседы в парке на скамейке поэта Ивана Николаевича Поньрева, пишущего под псевдонимом Бездомный, с Михаилом Александровичем Берлиозом, председателем правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращённо именуемой МАССОЛИТ, редактором толстого художественного журнала о существовании Бога и дьявола. Каждый из нас может припомнить случаи полемики на эту тему в кругу своих друзей, близких. Согласитесь, там баталии и жарче бывают, особенно, если хорошо податые оппоненты вышли из-за стола покурить на кухню в ожидании, когда хозяйка-именинница сменит посуду.

У Антона Чехова есть гениальная фраза, цитирую по памяти: «Если в первом акте на стене висит ружьё, то в третьем оно должно выстрелить». То есть каждое движение, каждое действие должно быть сделано с определённой целью и иметь определённые последствия.

На экранах нередко появляются фильмы о пришельцах, своеобразных инопланетных захватчиках, так они атакуют нашу Землю с определённой целью: либо с желанием поработить человечество, либо наесться от пуза. Смысл какой-то должен быть. Стучит нам в дверь сосед, он в первую очередь сообщает, что ему надо, зачем он решил вас потревожить: то ли хозяйка за солью послала, то ли ножовка понадобилась, то ли третьего не хватает, сосед за углом нетерпеливо ждёт. А с какой целью появился в Москве сатана – мне до сих пор не ясно. Будем разбираться.

Появился загадочный герой романа по имени Воланд, вернее, высветился из ничего и подсел к литераторам. Представился:

«– Я – специалист по чёрной магии.

“На тебе!” – стукнуло в голову у Михаила Александровича.

– И... и вас по этой специальности пригласили к нам? – заикнувшись, спросил он.

– Да, по этой пригласили, – подтвердил профессор и пояснил: – Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века, так вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире специалист».

Охотно верю, раз он единственный специалист, то кого же ещё приглашать. И понять могу, почему он прибыл в столицу не один, а с целой свитой.

Помню случай. Я работал заведующим орготделом ЦК профсоюза работников культуры Армении. Получили депешу из Москвы, мол, принимайте гостей, двух журналистов из Никарагуа. Из телефонного разговора выясняется, что прилетают семь человек. Самолёт приземлился. Знакомимся. Два никарагуанца, один переводчик, один представитель особого отдела. И ещё три гламурные девицы... Оказалось, их довеском прикрепили, чтобы командировочные деньги отработать.

Нечто подобное и здесь происходило. А как иначе объяснить? Станет Коровьев-Фагот страницы перелистывать, кот Бегемот свечку держать, Азazelло рожу корчить, а Гела в обнажённом виде при-танцовывать на глазах у изумлённых посетителей библиотеки. И все при деле.

Но особо ломать голову не стоит, потому как Воланд на протяжении всего романа больше НЕ ВСПОМНИТ О ЦЕЛИ СВОЕГО ВИЗИТА, О ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ. Хорошо, Воланд не помнит, а Михаил Афанасьевич? Он-то должен помнить, обязан помнить.

Более того, когда соответствующие органы принялись расследовать преступную деятельность Воланда с его подельниками, стали обращаться в театральные органы и совершенно забыли о Государственной библиотеке, которая должна бы, в свою очередь, обеспокоиться отсутствием командированного к ним иностранного специалиста.

Дальнейшие события выстроились в строгую логическую последовательность, проследим за нею. Выясняется, что «специалист по чёрной магии» пока нигде не остановился и на вопрос:

«– А... где же вы будете жить?»

Отвечает:

«– В вашей квартире, – вдруг развязно ответил сумасшедший и подмигнул».

Булгаков уже вошёл в раж, предложил жить «председателю правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, редактору толстого художественного журнала» в коммунальной квартире. И делит он кухню с санузелом, подумать только, не с каким-нибудь слесарем шестого разряда, а с директором театра Варьете Степаном Лиходеевым.

Согласен, в Москве того времени, да и по всей стране в целом наличие даже однокомнатной квартиры считалось неслыханной роскошью, но не для высокопоставленных чиновников, какими являлись оба функционера. И тот и другой, без сомнений, разъезжали по Москве в служебных автомобилях, во всяком случае, о Степане Лиходееве есть такая информация: «– Машину зря гоняет казённую! – наябедничал и кот, жуя гриб». И вдруг коммунальная квартира! Но Михаил Афанасьевич, с издёвкой воспринимая советские порядки, решил не упустить случая лишний раз подтрунить над нею. Представляю, как он ухмылялся, помещая в коммуналку советских господ Степана Лиходеева и Михаила Александровича Берлиоза. Особое удовлетворение он испытывал, изгаляясь над своим непосредственным руководителем по литературному «цеху».

В то же время критик Латунский, очередной герой Булгакова, всего лишь член правления МАССО-ЛИТа, проживал в элитном доме «Драматурга и литератора», в многокомнатной квартире. В одной, как известно, стоял рояль, и ещё упоминается спальня, но это не всё. Автор пишет: «...какие именно окна квартиры Латунского. Несомненно, что это были пять тёмных окон на углу здания, в восьмом этаже». А значит, мы имеем дело как минимум с четырьмя комнатами. Если к этому приплюсовать, что Латунский не имел семьи, а, стало быть, жил один. То можно и воскликнуть: «Ого-го, хорошо устроился!»

XXI

...В романе сплошь да рядом встречаются несогласованные предложения, стилистические ошибки. Что касается грамматических ошибок, их также немало, но здесь такая картина: в романе, опубликованном в интернете, грамматические ошибки встречаются на каждой странице, а в книжном издании они отсутствуют, корректоры издательств, прежде чем передать рукопись в типографию, исправляют их. Поэтому я не заостряю на этом внимание. Но вот что запомнилось, «киевского дяди» написано с большой буквы.

Диву даюсь, если, как утверждает Елена Сергеевна, у неё на руках после смерти мужа осталась готовая рукопись, то можно было ЗА ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ ХОТЯ БЫ ОРФОГРАФИЕЙ ЗАНЯТЬСЯ, а не только бегать по кабинетам литературных боссов.

Перечислю лишь немного, только то, что попало на глаза. Сам я по натуре рассеянный, корректорскими и редакторскими способностями не обладаю, поэтому уверен, ошибок намного больше, чем я обнаружил. Привожу примеры из книги «Белая гвардия. Мастер и Маргарита», изданной в Минске в 1988 году издательством «Белорусская Советская Энциклопедия» имени Петруся Бровки.

Сидят в парке поэт с редактором и беседуют... *«Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту для очередной книжки журнала большую антирелигиозную поэму».*

А спустя несколько строк, уже речь идёт уже о рассказе:

«А то выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!..»

Может быть, сложится впечатление, будто я придираюсь, но, согласитесь, поэму никто рассказом не называет, не принято.

«– Бывал, бывал и не раз! – вскричал он, смеясь, но не сводя несмеющегося глаза с поэта, – где я только не бывал!» (Само по себе предложение корявое, ухо режет и глазам больно от этой тавтологии, «смеясь – несмеющегося». В любом случае я бы написал «не смеющихся глаз».)

«– Но, – продолжал иноземец, не смущаясь изумлением Берлиоза и обращаясь к поэту, – отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдалённых, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас!» (Я бы написал «сто лет с лишним».)

«Опять-таки виновата была, вероятно, кровь, прилившая к вискам и застучавшая в них, только у прокуратора что-то случилось со зрением». (Я бы убрал «и застучавшая в них», потому как достаточно фразы «кровь, прилившая к вискам», чтобы понять степень взволнованности человека.) Вторая часть предложения *«только у прокуратора что-то случилось со зрением»* не согласуется с первой. (Нужно это предложение разделить на две части. В первой части дописать концовку, а во второй – добавить начало.)

«И опять передернуло Берлиоза. Откуда же сумасшедший знает о существовании киевского дяди? Ведь об этом ни в каких газетах, уж наверно, ничего не сказано. Эге-ге, уж не прав ли Бездомный? А ну как документы эти липовые? Ах, до чего странный субъект. Звонить, звонить! Сейчас же звонить! Его быстро разъяснят!» (Надо бы написать «Ему быстро разъяснят».)

«Ивану стало известным, что мастер и незнакомка полюбили друг друга так крепко, что стали совершенно неразлучны». (Надо бы «Ивану стало известно».)

«Но горевать долго не приходилось, и Стёпа набрал номер в кабинете финдиректора Варьете Римского». (Двойное впечатление оставляет это предложение. То ли Стёпа находился в кабинете и оттуда звонил, то ли наоборот, извне звонил в кабинет финдиректора. Непонятно.)

«И у Ивана выспросили решительно всё насчёт его прошлой жизни, вплоть до того, когда и как он болел scarлатиною, лет пятнадцать тому назад». (В этом предложении нужно убрать либо слово «когда», либо фразу «лет пятнадцать тому назад».)

«Усатый худой лихач подлетел к первой раздетой и с размаху осадил костлявую разбитую лошадь. Лицо усача радостно ухмылялось». (Непонятно, на чём подлетает к первой раздетой усатый худой лихач. Я бы оформил это предложение иначе: «Усатый худой лихач на костлявой, разбитой лошади подлетел к первой раздетой...»)

«Я встал человеком, который уже не владеет собой». (Наверно, всё же не «встал», а «стал».)

«После этого Николай Иванович бесследно исчез, а на месте его появился новый неожиданный человек». (Я бы написал: «на его месте».)

«Все с интересом прослушали это занимательное повествование, а когда Бегемот кончил его, все хором воскликнули:

– Враньё!» (Второе слово «все» лишнее.)

«Что-то сосало моё сердце! Ах! Он наблюдал за квартирой! И другой у подъезда тоже! И тот, что был в подворотне, то же самое!» (Я бы написал: «сосало под сердцем».)

«Вы, наверное, хорошо стреляете?»

– Подходяще, – ответил Азазелло.

– А на сколько шагов? – задала Маргарита Азазелло не совсем ясный вопрос.

– Во что, смотря по тому, – резонно ответил Азазелло, – одно дело попасть молотком в стекло критику Латунскому и совсем другое дело – ему же в сердце.

– В сердце! – воскликнула Маргарита, почему-то берясь за своё сердце, – в сердце! – повторила она глухим голосом...» (Наверное, надо: «смотря в кого или куда».)

«Но и при медленном лёте, у самого выхода на ослепительно освещённый Арбат, она немного промахнулась и плечом ударилась о какой-то освещённый диск, на котором была нарисована стрела». (И всё же: «при медленном полёте».)

«Поэтому она стала делать что попало». (Я бы написал: «Поэтому она стала делать ВСЁ что попало».)

«И оно исчезло через секунду, и Маргарита увидела, что она наедине с летящей над нею и слева луною». (Я бы убрал соединительный союз «и» между словами «над нею – слева».)

Повторение одного слова на коротком отрезке не красит само произведение, и писатели пытаются избегать этого, в крайнем случае вписывают слово, близкое по смыслу, используют синонимы. Завершив работу над произведением, писатели принимают удалять подобные повторы. Но, видимо, Михаилу Афанасьевичу ещё не до повторов было. Вот о слове «было» и идёт речь...

«То, что было сказано о том, что за цепью легионеров не было ни одного человека, не совсем верно. Один-то человек был, но просто не всем он был виден. Он поместился не на той стороне, где был открыт подъём на гору и с которой было удобнее всего видеть казнь, а в стороне северной, там, где холм был не отлог и доступен, а неровен, где были и провалы и щели, там, где, уцепившись в расщелине за проклятую небом безводную землю, пыталось жить большое фиговое деревцо». (Согласитесь, перебор.)

Этот отрывок ещё раз убеждает нас в том, что Михаил Афанасьевич не занимался чисткой романа.

XXII

А также в романе имеется достаточное количество диалогов, фраз, в которых хромает элементарная логика.

Понтий Пилат спрашивает у Иешуа:

«— Знаешь ли грамоту?

— Да.

— Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?

— Знаю. Греческий...»

Казалось бы, на конкретный вопрос дан конкретный ответ. Но, видимо, с памятью у кого-то проблемы. Через несколько страниц, Понтий Пилат задаёт близкий по смыслу вопрос:

«— Я не спросил тебя, — сказал Пилат, — ты, может быть, знаешь и латинский язык?

— Да, знаю, — ответил арестант».

Я не понимаю Иешуа, в первую очередь, Понтий Пилат конкретно спросил:

«— Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?»

Иешуа должен был назвать четыре языка, а не один, перечисляю: латинский, греческий, древнееврейский, как мы его сегодня называем, и русский. То ли забыл, то ли утаил, непонятно.

Иешуа не назвал свой родной язык, на котором написаны в основном все книги Ветхого Завета. А мы знаем, что он, на удивление всех окружающих, хорошо знал Священное Писание и не мог не использовать его, когда проповедовал и, по мнению Президента Синедриона, первосвященника иудейского Иосифа Каифа, — мучил сознание народа.

Как ни странно, но он знал ещё и русский язык... Мастер историю про Понтия Пилата, как мы понимаем, на русском написал:

«— Он (Иешуа) прочитал сочинение мастера, — заговорил Левий Матвей, — и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?»

Обратите внимание, он Воланда называет духом зла. А булгаковеды трубят нам о том, что последний прибыл на землю творить добро. Кому верить? Булгакову, ведь Левий Матвей, как куклы Карабаса Барабаса, повторяет слова автора, или булгаковедам, которые, по мнению их коллеги Лидии Яновской, лишены образного мышления.

«Прокуратор начал с того, что пригласил первосвященника на балкон, с тем чтобы укрыться от безжалостного зноя, но Каифа вежливо извинился и объяснил, что сделать этого не может».

Как понять? Ему приятнее стоять под палящим солнцем? Почему он не может последовать за Пилатом и в тени продолжить разговор? Скорее всего, опять предложение не согласовано.

«— Это водка? — слабо спросила Маргарита.

Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

— Помилуйте, королева, — прохрипел он, — разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт!..

Воланд молча поднял стакан и чокнулся с Маргаритой. Маргарита покорно выпила, думая, что тут же ей и будет конец от спирта».

Но через несколько строк читаем:

«...— А скажите, — обратилась Марго, оживившаяся после водки».

Кому-кому, а господину Булгакову хорошо известна разница между спиртом и водкой.

Или вот это:

«Незнакомец дружески усмехнулся, вынул большие золотые часы с алмазным треугольником на крышке, позвонил одиннадцать раз и сказал:

— Одиннадцать! И ровно час, как я дожидаясь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять. Вот и я!»

Как понять: «...позвонил одиннадцать раз и сказал...»? То ли часы у него на руках, то ли колокольчик. Непонятно.

«Прокуратор, видимо, всё не мог расстаться с этим вопросом об убийстве человека из Кириафа, хотя и так уж всё было ясно, и спросил даже с некоторой мечтательностью:

– А я желал бы видеть, как они убивали его.

– Убит он с чрезвычайным искусством, прокуратор, – ответил Афраний, с некоторой иронией поглядывая на прокуратора.

– Откуда же вы это-то знаете?

– Благоволите обратить внимание на мешок, прокуратор, – ответил Афраний, – я вам ручаюсь за то, что кровь Иуды хлынула волной. Мне приходилось видеть убитых, прокуратор, на своём веку!»

Как мы поняли, на руках у Афрания окровавленный мешок с деньгами. Но это неправда, на мешке не могло быть следов крови. Вернёмся назад и посмотрим, как убивали Иуду.

«– Сколько получил сейчас? Говори, если хочешь сохранить жизнь!

Надежда вспыхнула в сердце Иуды. Он отчаянно вскричал:

– Тридцать тетрадрахм! Тридцать тетрадрахм! Всё, что получил, с собою. Вот деньги! Берите, но отдайте жизнь!»

Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель. И в тот же миг за спиной у Иуды взлетел нож, как молния, и ударил влюблённого под лопатку. Иуду швырнуло вперёд, и руки со скрюченными пальцами он выбросил в воздух. Передний человек поймал Иуду на свой нож и по рукоятке всадил его в сердце Иуды».

Как мы видим, в момент получения ножевых ударов Иуда уже расстался с мешком. На мешке могла оказаться кровь лишь в том случае, если бы убийцы, справившись с Иудой, намеренно подставили мешок под хлынувшую кровь. Но этого нет в романе, зачем нам домысливать за автора.

Или вот ещё, непонятно, в какой комнате в психбольнице лежал Мастер.

«..задушевно попросил Иван, – а что там рядом, в сто восемнадцатой комнате сейчас случилось?»

– В восемнадцатой? – переспросила Прасковья Фёдоровна...»

118 и 18 это разные цифры. Но мне опять возразят: ведь понятно же, можно догадаться.

– Но зачем догадываться? – Отвечу я им, я не понимаю этого.

Всё перечисленное нас убеждает в том, что рукопись требует дополнительной работы не только корректора, но и редактора.

XXVI

Булгаковеды в своих многочисленных эссе, очерках, научных статьях в унисон, слаженно, подобно грузинскому хоровому коллективу «Ореро» твердят одно и то же, в разной интерпретации, разумеется. Мол, Воланд наказывает жуликов, взяточников и других криминальных элементов, Москву подчищает, с этой целью и появилась его «бригада мусорщиков». Примеров множество, приведу лишь несколько:

«Нагоняющий на непосвященных мрачный ужас Воланд оказывается карающим мечом в руках справедливости и едва ли не волонтёром добра».

«И в истории московских походов Воланда, и в духовном поединке Иешуа с Понтием Пилатом, и в драматической судьбе Мастера и Маргариты неумолчно звучит один объединяющий их мотив: вера в закон справедливости, правого суда, неизбежного возмездия злу».

«Читатель, привычный к тому, что дьявол – это чистое зло, будет искренне удивлён образом Воланда. Он не делает зла, он – созерцает и наказывает только тех, кто поступает низко. Его гастроли в Москве лишь подтверждают эту мысль».

«И главное, роман утверждает обречённость всего, что враждебно человеческому счастью».

Складывается ощущение, что авторы этих строк книгу и в глаза не видели, поскольку налицо полное несоответствие сюжетной линии романа и сделанные ими умозаключения...

Вгрызаясь, в буквальном смысле этого слова, в свободное пространство между строчками, чтобы уловить суть романа, я пытаюсь докопаться до «основной магистрали», которая должна наличествовать в любом произведении. Но мои усилия остаются тщетными: разброс героев, тем, сюжетов, оборванных историй, рассказов настолько велик, что объединить в единое целое, мой мозг способный воспринять, казалось бы, любую фантазию, не в силах. К тому же меня не покидает навязчивая идея, что к этому роману приложил руку не только Мастер, но и Маргарита постаралась. Очень сомнительно, чтобы вот эти низкопробные строки принадлежали Михаилу Афанасьевичу:

«Это был момент, который упустить было бы грешно».

«Да, это было сложно, очень сложно, но сложности эти нужно было во что бы то ни стало преодолеть».

«Дворик-то этот был тем и хорош, что всегда был пуст».

«Я была просто женой генерал-лейтенанта Шиловского, прекрасного, благороднейшего человека. Это была, что называется, счастливая семья: муж, занимающий высокое положение, двое прекрасных сыновей. Вообще всё было хорошо». Это не есть правда. Когда Елена Сергеевна была женой Шиловского, он имел звание полковника.

Нижеследующий отрывок не представляет собой ряд выдернутых из разных мест предложений. Это абзац, в котором предложения строго следуют одно за другим. Насколько они взаимосвязаны, это уже вопрос не ко мне. Обратите внимание и на примитивный уровень самих предложений.

«Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах.

Маргарита Николаевна могла купить всё, что ей понравится.

Среди знакомых её мужа попадались интересные люди.

Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу.

Маргарита Николаевна не знала ужасов жителя в совместной квартире».

Но не отвлекаемся. Как может быть автором вышеперечисленных строк и предложений, которые я ниже приведу, одна и та же личность?

«Однако в то же время неприятное облачко набежало на его душу, и тут же мелькнула змейкой мысль о том, что не прописался ли этот сердечный человек уже в квартире покойного, ибо и такие примеры в жизни бывали».

Или вот это:

«Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича – изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, – но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж».

Совершенно очевидно, что над романом трудился не один Булгаков, по моему разумению, руку приложил и таинственный соавтор. 26 лет он корпел над рукописью, вытягивая из огромного нагромождения нечто удобоваримое. Надеюсь, мне удаётся убедить в этом читателя...

Работая над послесловием, господин Вулис, подражая Константину Симонову, пишет: «Возможно, готовя книгу к печати, Булгаков по-новому взглянул бы на те или иные её эпизоды». Чувствуете подтекст? К этому же возвращается и в самом конце послесловия: «Сумеет он (читатель) разобраться и в её недостатках, подчас затемняющих силу и размах булгаковского замысла». То есть замысел был, но и недостатков не так уж мало. Как понять господина Вулиса?

И Константин Симонов пишет о недостатках, и он, причём дважды, указывает на это. И одновременно, по его утверждению, «Мастер и Маргарита» – лучшее творение Булгакова... Если господин Вулис даже читателю предлагает разобраться «в её недостатках», значит они на поверхности лежат. Тогда какое же это лучшее? Кроме того, почему эту неприятную миссию, ковыряться в романе, выискивать неудачные строки, предложения, нелогичные мысли, он возлагает на читателей, в том числе и на меня, а сам одни дифирамбы поёт? Похоже, перед тем как предлагать нам ломать голову, он сам должен был определиться, а то мечется из одной крайности в другую. А это тот случай, когда золотой середины не бывает.

Вечер в Варьете описан в романе в 12-й главе, а бал – в 23-й, но по содержанию бал состоялся гораздо раньше представления в Варьете, здесь обнаруживается накладка во времени.

Маргарита летит на встречу с Воландом договариваться по поводу бала именно в день смерти редактора Берлиоза, а значит, Воланд ещё не успел въехать в квартиру. Как такое может быть? Вы помните, Воланд спланировал и осуществил захват квартиры, имеющую дурную славу, и с этой целью невидимая сила забрасывает соседа редактора Берлиоза, Степана Лиходеева, в Ялту, а сам он оказывается под колёсами трамвая.

На чём основано моё утверждение? Маргарита, направляясь к Воланду, пролетает над писательским домом, обнаруживает квартиру критика Латунского и громит её. А критик Латунский в этот час находился в МАССОЛИТе, в ожидании заседания, на которое, по известной причине, так и не пришёл редактор Берлиоз. Уловили? Заседание МАССОЛИТа и бал проходят в один день.

Воланд в день заседания или, вернее, вечером не мог принимать Маргариту, удобно развалившись в злополучной квартире. Потому как он в другом описании, подобно трусливому школьнику, в это время убегал, плутая по московским улицам и переулкам от поэта Бездомного. Сам поэт, потеряв надежду на поимку беглого иностранца, отправился на заседание, в котором принимал участие и критик Латунский...

...Я обращаю ваше внимание на это несовпадение, чтобы лишний раз показать, с каким сырым материалом мы имеем дело. Над ним ещё работать и работать.

(Последняя выдержка из послесловия к роману литературоведа Абрама Вулиса)

...И снова звучит близкое по смыслу заявление: «И главное, роман утверждает обречённость всего, что враждебно человеческому счастью». И где это утверждение? Где счастье? Днём с огнём не сыскать. Все, исключительно все герои, включая и Мастера и Маргариту, в романе несчастны. Не согласны? Давайте разбираться.

Перечисляю:

- Михаил Александрович Берлиоз погиб под колёсами трамвая.
- Аннушка, разлив подсолнечное масло, понесла материальные убытки, придётся потерпеть до следующей получки и снова сходить в кооператив, ещё и в конце романа с долларами вляпалась, еле отвертелась.
- Водитель трамвая, комсомолка в красной косынке, будет осуждена за убийство по неосторожности (ст. 109 УК РФ).
- Пассажиры трамвая, без сомнения, получили многочисленные ушибы, травмы. Нетрудно догадаться, как их разбрасывало в металлическом с деревянными жёсткими сиденьями того времени трамвае. И главное, стресс, который они перенесли, а это является первопричиной многих заболеваний. То есть, ко всему прочему, пассажиры если и не получили травмы, что весьма сомнительно, потому как саму вагоновожатую на отдельной санитарной машине увезли, то покинули трамвай потенциально больными людьми.
- Потрясённый смертью редактора, поэт Иван Бездомный попадает в психбольницу.
- Директора театра Варьете Степана Лиходеева люди Воланда в мгновение ока выбрасывают из Москвы в город Ялту, и он находится на грани сумасшествия, никак не может прийти в себя, понять, что происходит.
- Сподвижник Воланда Коровьев провоцирует председателя жилищного товарищества дома № 302-бис Никанора Ивановича Босого принять взятку. Затем со стороны его сотоварищей следует анонимный звонок в милицию, и Никанора Ивановича арестовывают за незаконное хранение иностранной валюты, которую он и в глаза не видел, что грозит ему ужасными последствиями, ведь хранение и торговля иностранной валютой являлись в СССР одним из самых тяжких, после убийства, преступлений (ст. 88 УК РФ).
- В ходе всего романа скитается насмерть перепуганный администратор театра Варьете Иван Савельевич Варенуха, его к тому же ещё и избивают подручные Воланда (толстяк, похожий на кота, и низенький клыкастый субъект) за то, что Варенуха намеревался отнести телеграмму Лиходеева из Ялты «куда надо».

– Во время представления – сеанса чёрной магии с участием иностранного мага Воланда и его свиты – на глазах у публики отрывают голову сотруднику театра конференсье Бенгальскому. Мы смеёмся, а я представляю, с каким ужасом созерцала обезглавленное тело публика. Затем, смилостивившись, «гастролёры» возвращают незадачливому конференсье голову. Он чувствует себя так плохо, что пришлось вызвать скорую, но потрясение было настолько велико, что и он, в конечном итоге, оказывается в психбольнице.

– Бухгалтер Варьете Ласточкин, оставшийся в театре за главного, приезжает в финзрелищный сектор с намерением сдать выручку от вчерашнего спектакля. Однако вместо рублей в его портфеле оказывается валюта. Его, как спекулирующего иностранной валютой, арестовывают.

– Убит Барон Майгель.

– Кот Бегемот, играючи, сжигает квартиру несчастного председателя МАССОЛИТа, покойного редактора Берлиоза, а заодно и часть всего жилого дома.

– Он же вместе со своим подручным Коровьевым устраивают пожар в элитном магазине.

– Затем то же самое повторяют на веранде писательского дома. И горят рукописи, ГОРЯТ. Поскольку в этом же здании находится издательство, то ГОРИТ МНОГО РУКОПИСЕЙ!

– Маргарита, пользуясь возможностью летать и быть невидимой, врывается в квартиру критика Латунского: вымещает свою злобу на внутренней обстановке, разбивает рояль, крушит мебель, люстры, лампочки, изгаляется как может. И теперь представим, как тот, потрясённый смертью председателя, возвращается к себе далеко за полночь и переживает новое потрясение: видит неизвестно кем устроенный погром. Хотя, как мы убедились, рассматривая рукопись Мастера, критик не погрешил против истины, дал объективную оценку.

– Маргарита заодно наносит ущерб квартирам соседей критика Латунского, совершенно не причастных к событиям, происходящим в романе.

– Окончательно свихнулся финдиректор, седой старик Григорий Данилович Римский.

– Также с ума сходит сосед Иван Николаевич.

– Погибают Мастер и Маргарита. В подвале, в котором они жили, возникает пожар, и, судя по описанию, огонь должен перекинуться на верхние этажи. Это значит, что будут ещё жертвы. И одна фраза: «Гори, гори, прежняя жизнь!» – не в силах конкретное действие трансформировать в символу.

– Наконец, женщины, сменившие свои платья на роскошную одежду во время сеанса, оказываются на улице в нижнем белье. Представьте, как они возвращаются домой, и ужас на лицах домочадцев. Почему эта банда так злостно посмеялась над женщинами, остается только догадываться. Пожалуй-ста, не надо мужчинам домысливать или цитировать уже известные штампы о том, что многие люди, и особенно женщины, алчны, и мы с вами не лучше.

(Анекдот по теме. Продают из бочки пиво. Народ выстроился в очередь, кто с бокалом, кто с банкой трёхлитровой.)

Подходит мужчина к продавцу и спрашивает: – Сколько стоит вся бочка?

Продавец, смекнув, что есть возможность поскорее дома оказаться, с готовностью отвечает. Называет энную сумму. Мужчина расплачивается, и продавец исчезает.

Затем мужчина просит приунывших покупателей не расходиться, мол, теперь пиво бесплатное, берите, кто сколько хочет. Что тут началось! Стали давить друг друга, материться, пошли в ход и кулаки, крик на всю улицу.

Услышал милиционер невообразимый шум, подошёл. Разобрался с тем, что происходит, велел любителям дармового пива разойтись, а зачинщика потащил в милицию. В милиции владелец пива, нисколько не стусевавшись, отвечает:

– Это моё пиво, я купил всю бочку и волен поступать так, как хочу. В чём проблема?

Милиционеры в недоумении, наконец, один из них спрашивает:

– Хотя бы объясните, зачем вы это сделали?

Тот отвечает:

– Я уже немолодой человек и вряд ли доживу до коммунизма. Хотелось посмотреть, как при коммунизме-то будет.)

В этом случае хоть какая-то логика, но есть. А чего добивались воландовцы, одаривая женщин вечерними шикарными платьями, затем выставляя их на посмешище в обнажённом виде. Непонятно.

– А в самом конце романа Фагот свистнул и своим свистом нанёс значительный ущерб прилегающему к ним ландшафту и убил ни в чём не повинную птицу галку.

Это не весь список совершённого зла бандой негодяев, по которым тюрьма плачет, можно ещё насобирать пакостей, а обещанного добра днём с огнём не сыскать.

В РОМАНЕ НЕТ НИ ОДНОГО СЧАСТЛИВОГО ГЕРОЯ!

XXXXVI

И всё же, как бы я ни упирался, не могу не признать, что сам роман популярен, и даже очень, и интерес к нему не угасает, а, наоборот, с геометрической последовательностью растёт. Роман выдержал многомиллионные тиражи у нас и за рубежом. Переведён на многие языки Европы, Америки, Азии. Многократно инсценирован и экранизирован. На его сюжет созданы музыкальные произведения, оперы и балеты. Происходит паразитирование на популярном материале.

Видеть объяснение лишь в том, что Аннушка разлила масло, а Воланд предвидел это, не стоит, так как произведений с героями-предсказателями великое множество, однако они не будоражат наши умы, как это случилось с романом «Мастер и Маргарита». Причин несколько, я бы сказал, в романе и вокруг него сложилась совокупность обстоятельств, способствующих возникновению культа романа.

На первое место я бы поставил слухи. Да-да, слухи. Помните песню Высоцкого «И словно мухи, тут и там, ходят слухи по домам». И подтверждает мою мысль уже хорошо известный нам Абрам Вулис. Я бы дал более точную оценку следующему отрывку: он признаётся, что причиной сверхпопулярности является отнюдь не качество произведения, а нечто другое, но он не зрит в корень, не пытается вникнуть в суть данной коллизии, ограничивается поверхностным анализом. Он пишет: «Ещё долгое время даже упоминание названия этого романа считалось в СССР невозможным – до тех пор, пока в 1962 году в издательстве “Молодая гвардия” не был выпущен роман Михаила Булгакова “Жизнь господина де Мольера”». «...В послесловии к роману писатель Вениамин Александрович Каверин упоминает “Мастера и Маргариту” как неизданный роман, в котором “невероятные события происходят в каждой главе”».

«Сотни тысяч читателей только тогда впервые узнали о существовании “Мастера и Маргариты”. Не прочитали, так хотя бы узнали о существовании». То есть поползли слухи.

Елена Сергеевна, вроде как по секрету, сообщает соседкам, друзьям, знакомым, что среди прочих незавершённых дел есть готовый, уникальный роман, который потрясёт литературную братию (как в воду глядела). Только надо немного доработать: осталось-то всего ничего, укоротить местами, где-то добавить и расположить главы, страницы в логическую последовательность, так, чтобы произведение выглядело цельным. Короче, начать и закончить. Издатели только увидят, с руками оторвут. Понятно, доброжелательные подружки советуют, подзадоривают, мол, ты не тни, давай на следующей неделе носи к издателю, или в следующем месяце, тебе виднее, как правильно. А сами информацию об этом уникальном романе добросовестно разносят во вверенном им участке, радиусом в несколько кварталов. Рассказывают своим подругам, знакомым и незнакомым на трамвайной остановке, те ещё, сидя на лавочке у подъезда, ошарашивают приятельниц удивительной новостью, мол, скоро выйдет необыкновенный роман Миши. А там такое! Прямо страсть! И цыганская почта работает не покладая рук, распространяя эту новость двадцать с лишним (!) лет.

И не только по домам, по забегаловкам, по пивным ларькам, и там, где на троих собираются, ну и, понятно, кухни, опять же скамейки у подъезда. И так 20 лет непрерывного ажиотажа, нагнетания интереса. И Каверин добавляет масла в огонь в послесловии к роману «Жизнь господина де Мольера», упоминая «Мастера и Маргариту». Тут уже вся Россия на ушах стоит, и слухи с удвоенной, с утроенной скоростью несутся по сёлам и городам.

Ну как тут не взбудоражиться литературной братии нашей страны, когда в романе «невероятные события происходят в каждой главе», а убедиться нет возможности, потому как: «Власти боятся чего-то, поэтому и не издадут роман», – шепчутся старушки...

И начинается поиск самиздатовских экземпляров. Находят, читают ночами, потому как только на сутки дали, а там уже другие ждут, в очередь записываются.

Анекдот по теме:

Старушка сидит и от руки переписывает роман Льва Толстого «Война и мир». Соседка спрашивает: – Зачем ты это делаешь? Ведь эта книга в каждой библиотеке на первых полках стоит.

– А мой внучек, – отвечает старушка, – только самиздат читает.

Ещё одна заслуживающая внимания причина – неповторимый талант Булгакова. Если читатель меня спросит, каковы твои ощущения, что ты испытываешь, лихорадочно бегая по булгаковским строчкам? Отвечу честно. Отвлекаясь от общей концепции романа, вернее того, что нам насаждают булгаковеды, – одно удовольствие. Столько юмора, иронии нигде не встретишь, просто клад какой-то. Читаю, и улыбка не сходит с моего лица, это поразительная вещь...

... На любой странице «Мастера и Маргариты» зачитаешься. Он описывает события, ситуации, действия превосходно. Мы смакуем, наблюдая за филигранно-ювелирной словесной игрой мастера, но не задумываемся, насколько логично поведение героя и не зашкаливает ли абсурдная обстановка, в которую, как в ловушку, вовлекает нас автор, и настолько она необходима для решения общей концептуальной задачи. Своим виртуозным умением жонглировать словами он, словно экстрасенс, опутывает нас мелкими деталями, и сквозь них мы не видим общей картины. Мы, как в болоте, погрязаем в этих деталях, не решаясь выбраться, и по сей день остаёмся в этом пленении.

На третье место я бы поставил предрасположенность.

Говорят, красиво то, на что смотрите с любовью, то есть здесь важен настрой. Мы приходим в театр комедии, чтобы посмеяться. И стоит комику скорчить гримасу, сделать глупое лицо, как мы покатываемся со смеху, а подобное выражение на лице сослуживца вызывает раздражение. И в данном случае, когда нам годами твердят, что это из ряда вон выходящее произведение, оно уникально, оно необычно и не для среднего ума, что очень важно, не понять этот роман и не восхититься им – означает расписаться в собственной глупости и ограниченности.

Здесь мы плавно переходим к следующей причине. Этот роман для особо избранных, не каждому дано его понять. Хочешь прослыть умным – пой дифирамбы роману.

Так поступали придворные в сказке Ганса Христиана Андерсена «Голый король», усердно расхваливая платье на короле, которого не было, а свита не решалась признаться, что король голый, потому что было сказано: «Одежда становится невидимой для всякого человека, который не на своём месте или непроходимо глуп». И стоило только воскликнуть мальчику, неискушённому в придворных хитросплетениях: «А король-то голый!», как разом вся свита, вместе с ликующим народом, прозрела.

И в нашем случае мы, ещё не открыв книгу, готовы считать роман из ряда вон выходящим произведением, потому что не хотим оказаться в списке глупых.

XXXVIII

Теперь о другом. Приписывание мистики и особого смысла самым обыкновенным предложениям.

Одной из популярных литературных фраз является фраза *«И все же Аннушка разлила масло!»* Мы повторяем её с особым смаком, при этом многозначительно тыча указательным пальцем в небо, считаем эту фразу веским аргументом в пользу гениальности романа. А если вдуматься, фраза как фраза, коих достаточно много, и не только в этом романе. Или вот это: *«квартирный вопрос только испортил их»*. Разве только квартира была недоступной эсэсэсэровцам, в смысле – жителям страны СССР? Перечислить? Или сами помните?

Или: *«Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?»* Ну, идут, и что с того? А кто должен идти? Умер коллега, литератор. Если бы умер кочегар – за гробом шли бы кочегары. Кому непонятно, поднимите руку.

И последнее: *«Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!»* А ну сознайтесь, господа-читатели, к кому из вас пришёл тот, кто сильнее вас, и дал вам то, в чём вы нуждаетесь? Есть таковые? Нет – и не будет. Сильные не всегда дают, когда просишь, а если ещё и с гордым видом ходить будешь – тем более.

Следующая причина – настойчивый характер вдовы.

10 марта 1940 года умирает Михаил Афанасьевич Булгаков. Его имя предадут забвению. На сценах театров остался только один спектакль «Александр Пушкин», допущенный, с лёгкой руки самого Сталина, к сцене. Дело в том, что Сталин не разрешил, выказывая показную скромность, спектакль Булгакова «Батум» о своей персоне и, чтобы не добивать драматурга окончательно, дал отмашку МХАТу. По моему твёрдому убеждению, Сталин отказался от спектакля о себе из-за одиозной личности автора. Напиши подобную пьесу Максим Горький, Сталин не стал бы возражать.

...ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ЖИЛА БУЛГАКОВЫМ, ОНА ВРОСЛА В НЕГО, И ОНИ СТАЛИ ЕДИНЫМ ЦЕЛЫМ: ТОЛЬКО ОН НА ТОМ СВЕТЕ, А ОНА НА ЭТОМ.

И ничто не в силах было отвлечь её. Дети? В Википедии помещена довольно-таки обширная биография Елены Сергеевны, так вот, там о детях написано лишь вскользь, в период её второго замужества, когда она была ещё женой полковника Евгения Шиловского, а после ни слова, как и не было у неё двух сыновей. Более того, в разделе семья даже племянник есть, но дети не упоминаются. Это говорит о многом.

Она не домоседка, с этим никто не станет спорить. Без сомненья, у неё большой круг знакомых. Она по вечерам гостит то у одних, то у других, либо у неё собираются на чай с вареньем. И разговоры о чём? Обменявшись светскими новостями, возвращаются к злободневной теме; как жить теперь несчастной вдове и что осталось от мужа, ушедшего в мир иной; перечень не особо впечатляет: записки, зарисовки, до полусотни незаконченных историй, которые не тянут на рассказы, но она, как я уже писал, не пала духом и добила немалого.

XXXXIX

Впервые культовый роман «Мастер и Маргарита» был опубликован в двух номерах журнала «Москва» (№ 11, 1966 и № 1, 1967) благодаря усилиям прежде всего литературоведа Абрама Зиновьевича Вулиса, писателя Константина Михайловича Симонова, редактора журнала Евгения Ефимовича Поповкина и, конечно, вдовы Елены Сергеевны Булгаковой. И у каждого были свои причины оказать содействие изданию романа.

Константин Симонов не самоустранился, опасаясь непредвиденных последствий, ему вовсе не хотелось опять оказаться в списках сталинистов. Он должен был поддержать антисталинский роман, который, по сути, таковым не был. Но народная молва приписала роману антисталинизм, и никто не хотел ломать голову над тем, действительно ли этот роман имеет отношение к Сталину.

Абрам Вулис, на то время никому не известный журналист республиканской узбекской газеты «Правда Востока», давно «болел» сатирическими произведениями, собирал материалы по советской сатире. Неважно, он нашёл Елену Сергеевну или, наоборот, Елена Сергеевна вышла на него, но контакт состоялся. С первых же страниц рукописи Абрам Зиновьевич понял, что это его конёк, он должен поддержать желание Елены Сергеевны, увидеть опубликованной эту рукопись, а заодно нажать себе «политический капитал» и выйти на всесоюзный уровень, и это ему блестяще удалось. Будучи талантливым литератором-журналистом и, что не менее важно, напористым человеком, он, образно выражаясь, не хлопал дверьми, только распахивал их. Итогом чего и явилась публикация романа в журнале «Москва».

Журнал «Москва» нуждался в читателях, подписчиках. И чтобы привлечь внимание на себя читательской аудитории, нужно было опубликовать нечто взрывное. Вот рукопись романа и пришлась ко двору. Обратите внимание, первую половину романа опубликовали в 1966 году, а вторую оставили на 1967-й, чтобы читатели, заинтересованные продолжением необычной истории, вновь подписались. В девяностые годы прошлого столетия я как представитель Фонда защиты прав кавказских народов в Москве входил в состав команды редакции газеты «Мегаполис-экспресс» и был свидетелем необычного редакторского наставления журналистам. Главный редактор Владимир Павлович Волин для поднятия тиража требовал от них в каждом номере давать нечто сюрреалистическое, а иными словами – высосанное из пальца. Приём известный.

Интерес Елены Сергеевны понятен. Это, прежде всего, гонорар. Ей оставалось только надеяться на гонорары от публикаций произведений усопшего мужа, чем она и ежечасно, ежедневно, ежегодно занималась.

Читатель убедился в наличии в романе множества стилистических и пунктуационных ошибок, я показал на конкретных примерах лишь некоторые. Можно было бы за двадцать шесть лет исправить их, но надо было потратиться, нанять редактора, корректора. Скуповата была Елена Сергеевна, прямо скажем, скуповата.

Хотите верьте, а хотите нет, надгробие на могиле писателя появилось лишь спустя двенадцать (!) лет после смерти Михаила Афанасьевича. Да-да, действительно, двенадцать лет. Вы не раз и не два встречали заброшенные могилы, согласитесь, оставляет удручающее впечатление. Уже через год неприглядная картина, а через десять лет – тем более. Засохшая трава, пожелтевшая казённая табличка с полустёртыми буквами и цифрами. Глядя на такую могилу, понимаешь, что у усопшего не было ни заслуг, ни соответствующего положения в обществе и что покинул он этот свет, не имея ни родных, ни близких.

А в нашем случае другая картина: усопший был известной личностью, занимал прочное положение в русской литературе, осталась вдова, которая на всех перекрёстках рассказывает, как она убивается по безвременно ушедшему мужу, до сих пор себе места не находит и делает всё для увековечения памяти гениального мужа. А вот могилу обустроить всё ей недосуг. Может быть, с финансами туго? Всяко бывает. Ещё при жизни Булгакова были сняты со сцен все спектакли и из-за его характера не печатались книги. Но буквально перед смертью МХАТ заключил с ним договор на постановку пьесы о Пушкине. Эта пьеса не сходила со сцены театра 16 последующих лет. Значит, деньги были...

Очевидно, её совесть всё же терзала или любопытные бабки-соседки доконали. Вот она время от времени и вспоминала засохшие цветы на могиле писателя. Как-то позвонила в мастерскую по изготовлению надгробных памятников при городском кладбище: ребята, придумайте что-нибудь.

Те руками разводят, и рады бы помочь... правда, вспомнили, что у них есть каменная глыба, бесхозно валяется уже который год. Этот валун несколько месяцев служил временным надгробием на могиле Гоголя, но он совершенно не отёсанный, в таком виде не пригоден для надгробия. Елена Сергеевна смекнула, что этот валун не будет стоить больших денег и, прикрываясь особым отношением мужа к Гоголю, ухватилась за него.

– Мой муж так уважал Николая Васильевича! Так уважал Николая Васильевича! Поэтому это то, что надо, – стала убеждать рабочих Елена Сергеевна.

Но опять загвоздка, подвезли глыбу к могиле Михаила Афанасьевича, а глыба она и есть глыба, культивистом смотрится.

– А вы переверните её вверх ногами, – не растерялась «неутешная вдова». Перевернули. Вот и стоит до сих пор перевернутая неотёсанная глыба на могиле Михаила Афанасьевича Булгакова, перед которым млеет вся литературная Россия.

Окончание

Больно осознавать, что отложена в сторону Великая русская литература, Великие русские романы и самым популярным произведением, по многочисленным опросам, считается роман «Мастер и Маргарита». Вступительные слова, которыми предворяют очередное издание дельцы-издатели, поражают наше представление о значимости этого произведения. Называют его величайшим литературным явлением XX века. Вершиной творчества Михаила Булгакова.

Роман «Мастер и Маргарита» является авантюрно-приключенческим, бульварным произведением, коих немало было до Булгакова, а сегодня и вовсе пруд пруди.

Если позволительно будет сравнивать, то роман «Мастер и Маргарита» превосходит романы Ильфа и Петрова по своему накалу, динамике самого повествования, но он написан в том же ключе, в его основу заложено то же желание заинтриговать читателя чем-то необычным.

А всё остальное, упорно нам внушаемое, есть домысливание целой армии приверженцев романа. Они с завидным упорством навязывают нам нравственное, высоко-эстетическое значение произведения, для которого в романе нет никаких оснований.